

ТРАНСКОММУНИКАТИВНЫЙ ПОДХОД КАК ПОСТМЕТОДОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Работа посвящена проблеме нерелевантности традиционных подходов к пониманию душевной реальности с точки зрения естественных наук. Трансцендентальность душевной реальности, являясь ее наиболее существенным фактором, требует иного подхода. Предлагается подход, условно названный постметодологическим, в котором феномен и фактор транскоммуникации рассматривается как возможность нередуктивного понимания души. На этой основе строится схема нозтической психологии.

Я не хотел бы, чтобы эту работу читали студенты, особенно младших курсов, поскольку как преподаватель я учу их строгой методологии. Не освоив, ее они искаженно будут понимать многое, о чем я хотел бы здесь сказать. Почему же я это делаю, зная, что их любопытство естественно и позитивно. Близко к толстовскому «не могу молчать», если до сих пор защищаются диссертации о «психологических механизмах». Это было бы логично для 18-го века, но не для 21-го. Предмет психологии слишком необычен по сравнению с большинством наук. Естественные науки «вещественно» изучают вещество и допускают психологию в качестве науки, изучающей душевную жизнь лишь в качестве свойства высокоорганизованной материи.

Гуманитарные науки рассматривают семиотические, символические, смысловые «продукты» душевной активности как данность (естественно, в чем-то воплощенную). А вопрос об их природе часто молчаливо передерсцовывается психологии.

Сама психология, находясь между этими главными сферами научного знания, видимо, уже давно заработала хронический «комплекс неполноценности», от которого, правда, один шаг до мании величия. И то и другое уже отрефлексировано в современной психологии – комплекс неполноценности тянет к «физиализму», мания величия – к магии. С последним комплексом проще, так как он легко вытесняется за рамки *научности*; с первым – сложнее. Механизм неизбежно ориентировал психологию на метод, методологию и технологию. Вспомним менделеевское: наука начинается с измерения. Механизм требует «объективности» и это требование естественно было ассимилировано в качестве требования к методам ранней психологии. Современная наука, осознавшая моделирование как универсальный метод неизбежно признала фатальность редукции как полезного упрощения. Если модель не проще или сложнее моделируемой реальности, она теряет смысл. Конечно, имеется в виду редукция, сохраняющая и акцентирующая существенное. Но, здесь, как правило, камень преткновения и «поле брани» научных школ.

Далеко не многие психологи осознали трагичность этой ситуации именно для психологии, имеющей дело с *субъективной реальностью* для которой моделирующая объективация оказывается кошунственной. Психологи старались следовать требованиям естественно-научного метода, что привело к созданию тысяч психологических тестов и изобретению изощренного факторного анализа (Ф. Терстоун), уже успешно ассимилированного другими науками. При этом, преодолевая «комплекс интроспекционизма» (в связи с

обвинением Огюста Конта), решились редуцировать душевный процесс до поведения (бихевиоризм). Попытка реабилитировать самостоятельность душевной жизни породила соблазнительное для многих «мифотворчество психоанализа», как, видимо, другую крайность. Тем не менее, многие великие психологические умы понимали неадекватность и нерелевантность объективирующей редукции относительно душевной реальности. Поэтому они достаточно смело обращаются к древним источникам знания, которые еще не скованы жесткими научными парадигмами на основе уже современного мировоззрения. Я имею в виду линии развития прежде всего экзистенциальной и, особенно, трансперсональной психологии – от работ К. Юнга, Р. Ассаджиоли до современных трудов К. Уилбера в духе холистической и Х. Феррера в духе эпистемологической трансперсональной психологии [1 – 3].

В таких работах часто имплицитно начинается пересмотр принципиальных основ психологического исследования и практики. Целостное, нередуктивное понимание душевной жизни возвращается как главная ценность психологической науки – холистическая психология обретает особое значение. Восстанавливается уверенность в возможностях непосредственного понимания живого психологического опыта и непосредственной работы с ним (медитация, управляемое воображение, различные виды рефлексии в альтернативных состояниях сознания). Возвращаются представления о «тонкой» – эйдетической, смысловой, нозтической организации мира и интимной причастности ей человека.

В отношении трансперсональной психологии со стороны академической психологии существуют серьезные претензии в связи с вроде бы легкомысленной ассимиляцией оккультных знаний, начиная с шаманизма... Я абсолютно уверен, что исключительное достоинство научного знания – это стремление к ясности (объяснению, прояснению и т. д.) в сравнении с эзотеричностью других знаний (например астрологических). В то же время я согласен с трансперсональными психологами в необходимости преодоления методологической редуктивной объективации, не релевантной специфике психологической реальности [3 – 6].

Я обнаружил *нозтическое направление* в этой пограничной области, существующее не менее трех тысяч лет: от Анаксагора, Платона и неоплатоников до современных представлений о ноосфере П.Т. Шардена и В.И. Вернадского. Важно, что этот луч знания оказался даже выше противопоставления теологического и светского знания. В этом направлении работали классические богословы, философы (Э. Гус-

серль), а также естественно-ориентированные ученые (вышеназванные П.Т. Шарден, В.И. Вернадский). Этот «светлый взгляд» на жизнь Вселенной предполагал существование мирового ума (Анаксагор), его эйдетиическую активность (Платон), пробуждающую в человеке «умное делание» (мистическое и святоотеческое христианство), изначальную нозетическую интенциональность сознания (Гуссерль) в контексте ноосферы как трансперсональной реальности (К. Юнг). Эта реальность характеризуется весьма дифференцированным *спектром альтернативных состояний сознания* (К. Уилбер), естественным образом преодолевающим примитивную и несколько извращенную дихотомию психоанализа: сознание – бессознательное [7].

Я с приятным удивлением обнаружил, что давно изучаемый мной феномен «транскоммуникации», как выводящий человека из самодостаточности для настоящего взаимопонимания с другим через трансцендирование, имеет непосредственное отношение к этому нозетическому пониманию душевной жизни [8]. Транскоммуникативный подход предполагает, что человек не только может общаться с людьми как с «иными» (другими по-настоящему), но и с разнорядковыми сущностями – как с более простыми «братьями меньшими», так и с более сложными – группой, культурой, нацией, космосом.

«Светлый взгляд», который не так давно открыл К. Уилбер у Г. Фехнера, образующийся пониманием тонкой духовной организации космоса, и который мы в силу своей невнимательности или узости сознания воспринимаем в качестве грубо материального конденсата (К. Ясперс), может быть развит и переведен в научную область с помощью *концепции транскоммуникации* [9, 10]. Важный аспект сообщаемости разнорядковых миров акцентировал В. Франкл в рамках «димензиональной онтологии» в контексте его примера о том, что в трехмерном пространстве простой стакан может выглядеть и восприниматься в двухмерном как круг или прямоугольник [11]. Интересно, могли бы «виртуальные» двухмерные человечки, видящие его (стакан) в разных ракурсах как НЛЮ, догадаться или договориться, что это «одно и то же» (имеется в виду круг и прямоугольник). Когда мы сталкиваемся с более *N*-мерной реальностью, чем наш четырехмерный мир, в лучшем случае мы чувствуем символы или «знамения» присутствия чего-то важного, но непостижимого. К. Юнг пытался «объять» такие события с помощью понятий синхронистичности и трансцендентальной функции [1].

Я решил пойти дальше и предположить, что здесь мы сталкиваемся не просто с более сложными свойствами «тонкого мира», а с активным живым *процессом сообщаемости разнорядковых миров как процессом транскоммуникации*. Иначе каким образом понять реальную холистичность мира?

Древние мудрецы чувствовали, что человек – это микрокосм, т.е. подобие макрокосмоса. Строгим наукам пришлось об этом забыть. Феномен, или точнее сквозной космический фактор транскоммуникации, позволяет понять, по крайней мере, на уровне микрокосма – как это происходит в человеке. Нередуктивный целостный взгляд на человека предполагает по-

нимание его как *духовно-душевно-телесного соответствия* (т. е. сообщаемости) в духе холистического детерминизма или «холархии» К. Уилбера [19]. Это же связано с проблемой «собственно человеческого» в человеке, акцентированной гуманистической и экзистенциальной психологиями, возмущившимися доминированием «зоологизма» в традиционной психологии (психофизиология, бихевиоризм, психоанализ и пр.). Феноменология транскоммуникации показывает как тело может (!) соответствовать духу (т. е. общаться с ним). Во многих своих статьях я упоминал в этом контексте об уникальности человеческих слез и улыбки [12]. В отличие от звериного оскала, человеческая улыбка связана не только с радостью, но и с юмором, восприятием переносного смысла метафоры, т.е. *трасмысла*. Человеческие слезы (физиологическая функция которых – очищение от инородного) воплощают духовное очищение (катарсис) и при чтении книг, и на спектаклях, и в сложных человеческих отношениях. Смех и слезы часто образуют динамичное единство: способность смеяться до слез и способность перейти от слез к улыбке. Заторможенность таких способностей означает ослабление транскоммуникации между телом и духом, что ведет к соматическим и психическим расстройствам. Здесь я лишь замечу, что К. Роджерс любил напоминать нам о великой мудрости человеческого тела и предостерегал о возможной утрате контакта с ним. Но насколько оно искренне отзывчиво и хорошим и плохим образом, мыслям, чувствам! В этом – великий потенциал и великая опасность саморазрушения (специалисты по психосоматике привели бы нам тысячи примеров).

Вот и настал момент формулирования главного принципа нозетической транскоммуникативной психологии. «Внутри нас» (во «внутреннем мире») нет никаких образов, мыслей, чувств... Миф, что «мозг рождает мысль как печень рождает желчь», превратившись в аксиому «материалистической психологии» не смог претерпеть ни одну «верификацию» за несколько столетий. Король оказался голым. Но душевная реальность существует. Не все, но большинство в этом не сомневаются. Вот здесь мы и возвращаемся к нозетическому лучу древней мудрости. Истина или что-то близкое к ней – всегда проста. Если мы понимаем, что бесполезно искать наш тонкий мир в наших внутренностях, то почему бы по древнему обычаю не попробовать наоборот? Не образы, эйдосы...внутри нас, а *мы внутри эйдосов*. Нужна порция скромности, чтобы признать (после хронической мегаломании), что мы не самая совершенная реальность Вселенной; что вокруг нас незримые тонкие оболочки эйдетиических сфер. Правда, то, в каких образах мы будем пребывать, зависит от нашего состояния, «настроения души» и т. д. Синхронистичность тонких миров поддерживается симпатией, тропностью, резонансом. Древнейшая профессия актера – быть в образе. А я вспоминаю не так уж забытую юмореску В. Винокура (ноты ... рыба) с ключевой фразой: «Не мешайте мне! Я в образе». Кстати, эту «тонкую мысль» постоянно пытаются донести дети взрослым, сопротивляясь их «глупости». Эйдетиическая природа душевной жизни человека, так ярко заявляя себя в искусстве, сновидениях, аутогенной тренировке, медитации, воображе-

нии, удивительно трудно ассимилируется академической психологией. Может быть, все дело в дисциплинированном отношении к «узаконенным» научным парадигмам?

Здесь я перехожу к главной теме статьи, – я буду говорить о *постметодологии*, отмечая при этом, что таковой может быть транскомуникативный подход. Возможно ли через транскомуникацию перейти в постметодологию, причем с целью преодоления «кошунственной редукции» психологической реальности в большинстве так называемых методов? Во-первых, вспомним простое забытое: физика оказалась в авангарде наук, научившись «мерить подобное подобным». И психологии пришлось измудряться на основе теорий изоморфизма (Л.М. Веккер), чтобы придумать наукообразное *моделирование* психологических процессов. Конечно, лучше понимать тесты не просто как процедуру или технологию, но как *модель* «черного ящика» – души. Это кибернетическая версия. Однако столь опосредованный и витиеватый маневр «действия в обход» не снимает проблему *аутентичности* и *релевантности* получаемой информации. «Подобное – подобным!» – возвращается к нам сейчас уже как научный укор. Что может быть «подобным» измерителем души? Очевидно, душа другого человека или своя собственная...как это возможно? Загадочная способность души понимать самую себя, а еще и душу другого – это для нас ценнейшая зацепка. Традиционно это давно формулировалось как «рефлексия» и «децентрация». До сих пор научное проникновение в эти процессы было слабым. Посмотрим на это сквозь призму транскомуникативного подхода. Общаясь, мы действительно (эйдетически) выходим за пределы себя, т.е. *транскомуницируем*. При этом коммуникация и тем более транскомуникация – это общение душ. Только преодоление конвенциональных трафаретов, в которых закована традиционная коммуникация, приводит нас к экзистенциальной коммуникации (К. Ясперс) и далее к транскомуникации открытой «трансперсональной реальности».

В предыдущих работах мы описали иллюзорность конвенциональной коммуникации, порождающей у человека множество психологических проблем [13].

Здоровье и личностный рост – результат транскомуникабельности тела – души – духа. Повторимся, что транскомуникация – это выход за любые трафареты, нормы, схемы, парадигмы. Выходит, чтобы избавиться от фатальной редукции, необходимо выйти за рамки метода и методологии, снабжающих нас спасительными процедурами и определенными схемами интерпретаций. Получается, что если я описываю свой уникальный опыт (импринтинг) *своим* вербально – невербальным языком другому или себе, я решаюсь на наименьшую редукцию (где ее предел?). *Транскомуникация дает нам непредвзятый уникальный опыт друг о друге и нечто уникальное третье – наше общее как результат взаимного преодоления барьеров.*

Сейчас фактически мы делаем первые шаги в постметодологию, где сталкиваемся с кардинальным вопросом – как сохранить нередуктивный опыт, появляющийся в транскомуникации для интегральной психологии.

Прежде всего, стоит избавиться от комплекса неполноценности относительно обязательности объективации. Понять или смириться с тем, что «субъективная реальность» может как-то «отражаться» только в «субъективной реальности». А это опять же возможно только в транскомуникативном процессе. Поскольку в отличие от обычной коммуникации, где укрепляются конвенции, нормы, стереотипы, транскомуникация явно тяготеет к *метафорам*, содержащим переносный смысл, т.е. по-сути *трансмысл*. Часто именно по метафорам и юмору в живом общении можно уловить моменты перехода в транскомуникативные состояния. Отсюда вытекает переосмысление такого известного факта, акцентированного Г. Олпортом, что художественная литература пока лучше описывает живую психологию живого человека. Эстетика транскомуникации, в частности психолога и клиента, могла бы стать нередуктивным материалом психологических описаний. Что-то близкое можно наблюдать в свободных описаниях «психологических историй» И. Ялома [14].

При этом остается и обостряется проблема сохранения научности на постметодологическом уровне. Я вовсе не считаю, что постметодологическая перспектива желательна для других наук – в этом я сомневаюсь. Мысленное экспериментирование с постметодологическим прорывом появилось у меня «не от хорошей жизни». Конечно, соблазнительно с точки зрения простых критериев наукообразия свести душу к «психике», а последнюю к поведению; будучи первокурсником ЛГУ, я был «уверенным бихевиористом». Сейчас я вспоминаю: а встречались ли мне «неуверенные бихевиористы»? – Не припомню. Тип методологии, избираемой ученым, и тип его личности определенно связаны. А я чем дальше, тем больше сомневался в релевантности признанных методологических подходов.

Что касается естественных наук, прогресс здесь очевиден. Например, если в конце 19-го века мозг ассоциировался с телефонным коммутатором, в 20-м – с компьютером, то в 21-м микробиологи допускают сравнение с микрокомпьютером *отдельного нейрона*. Тогда какое же «Интернет-пространство» могут образовывать миллиарды нейронов с триллионами их потенциальных связей? Таким образом, древняя метафора – человек как микрокосм подобен космосу, уже подтверждается физиологически. Но это только физиологический уровень. С точки зрения холистического ноэтического подхода – тело – это «конденсат» и «проводник» более тонких духовных *N*-мерных свойств универсума, которыми во многом потенциально обладает душа. Однако человек, развивая свое *личностное измерение* и Я-концепцию, не часто осознает безграничность или свободу душевного процесса в отношении, по сути, основных физических ограничений, на которые неизбежно обречено его тело. Здесь обнаруживаются кардинальные различия между физической и психической энергиями, информацией, пространствами и временами.

Для получения опыта об этих особых психологических степенях свободы я разработал специальный ноэтический практикum, основанный на легком трансе [15]. Транс – это сквозное базисное корневое свойство души (об этом смутно догадывался З.Фрейд, имея в

виду первичное «океаническое чувство» младенца). Понятие транса не прописано даже хрестоматийно не только в отечественных словарях, но и в относительно свежей психологической энциклопедии [16]. В лучшем случае приводится слишком узкая его интерпретация в рамках практики гипноза. Зато вместо универсального психологического феномена транса там присутствует важный «психологический» термин – транквилизатор. Поэтому радикальную психику ребенка (какая она у самого ребенка) мы до сих пор понимаем слишком по-взрослому, эгоцентрично и по-верхностно.

И на другом полюсе – наиболее сложные свойства «духовной психологии просветленного» человека академическая психология также воспринимает с подозрением, недоверием, недопониманием (и правда, а чем их понять?). Это я рассматриваю как прямое следствие «методологизма», заимствованного у слишком «иных» наук. Вот почему, например, нозитический практикум, в котором участники обнаруживают свойства души, совершенно не соответствующие принятому в науке детерминизму, я рассматриваю в качестве *постметодологической практики*. Ибо я не знаю другой науки (кроме психологии и теологии), где бы трансцендентальный фактор оказывался более значимым, чем другие. Поразительно, как этот факт игнорируется или замалчивается даже современной психологией – кроме трансперсональной.

Постметодология, сохраняющая научность, – это, так или иначе, достижение ясности. Иначе оккультизм. Этот критерий, по сути, объединяет все более конкретные требования верификаций классической, неклассической и постнеклассической науки. В постметодологии можно увидеть даже возвращение к зерну научности – подобное познавать подобным. В сфере психологии это реализуется в очень простом, вроде бы давно известном принципе симпатии, тропности, т.е. сознание релевантно познается сознанием; душа – душой, переживание – переживанием (эмпатия).

Основные транскомуникативные лучи, описанные в прежних моих работах, проявляют «пиковые» (А. Маслоу) моменты душевной жизни: *катарсис*, *импринтинг*, *экстаз*, *инсайт*. С другой стороны, лучи нисходящей (катарсис), импрессионной (импринтинг), экстенсивной (экстаз) и восходящей (инсайт) транскомуникации обнаруживают универсальное стратегическое значение для нередуктивного понимания душевной жизни в целом (между зачатием и смертью). На этом макроуровне им соответствуют нозитические сезоны душевной жизни. Эту глобальную метафору я подробно разворачиваю в последних своих работах [17]. Здесь я ее упомянул, чтобы сделать новый акцент в понимании именно человеческой психологии. Мы привыкли к фатальной модели жизни в связи с ботаникой, биологией, позитивистской психологией, социологией и даже новой, оживляющей древность, акмеологией. Согласно им, все живое зарождается, растет, расцветает, переживает апогей и с той или иной скоростью увядает. Но я стал интересоваться нозитикой, нооологией, когда столкнулся с понятием *метанойя* в трансперсональной психологии [18]. Оно исходит из далеких христианских традиций, где под метанойей понимали просветление, объеди-

няющее озарение и покаяние, интуицию и совесть. Святоотеческий опыт, отраженный в текстах о добролюбии, показывает возможность перехода такого пикового переживания момента в длительное состояние и даже в последний сезон жизни как подготовку к чему-то большему – жизни в духе. Еще Л. Толстой в «Холстомере» писал, что есть два вида старости – гадкая и величественная. Именно последний вид относится к сказанному выше и прямо говорит о том, что метанойя может быть не только результатом специальных практик, существующих во всех мировых религиях (не только в христианстве), но и *естественным* последним периодом земной жизни. Я имел счастливый период наблюдать это у своей бабушки, конечно, не задумываясь вовсе об этой проблеме. Сейчас мне ближе по сравнению со всеми вышеперечисленными науками об увядании, «гипотеза», сформулированная в «Тибетской книге мертвых» (в редакции К. Г. Юнга), а именно: чем сильнее, точнее, яснее выпущена «стрела духа» умирающего человека, тем значительнее его результат жизни в трансцендентальном смысле.

Путь к метанойе труден, поскольку лежит через *паранойю* (не в узком медицинском значении), полную опасностей, страхов и рисков, начиная с подросткового бунта, «потери головы» от любви, непонимания, одиночества вплоть до христианской «пустыни» или репрессивной социальной изоляции. Примечательно, что этот прорыв за рамки правильного разума – *ортонойя* – несмотря на более чем двадцатилетний период директивной социализации (семья, детский сад, школа, армия, вуз) происходит регулярно и естественно в сферу сомнений и понимания условностей и фальсифицированности большинства норм, правил, ценностей социокультурного устройства. Но это происходит у каждого слишком по-разному, потому что «ортонойальное образование» начинается не с чистого листа. И речь здесь не просто о критической оппозиции генетической психологии ортодоксальному бихевиоризму во взглядах на ребенка. В нозитической психологии сложнее – должна получить право на существование и осмысление гипотеза о том, что суть одаренности ребенка намного глубже и тоньше: каждый рождается в уникальной «колыбели духа». Ее мы называем в соответствии с принятой схемой – *протонойей*. Именно за счет этой «протонойальной колыбели» младенец имеет еще и важную автономию от прямого диктата наследственности. В этом смысле ранее я упоминал о том, что первичные эйдосы младенца защищают его от «глупости» ортонойя взрослого. Если этот духовный кокон взламывается взрослыми или обстоятельствами раньше времени, судьба растущего человека становится причудливой и плохо предсказуемой...

Вот такая *схема* (не модель, не структура и т.п.) сезонов жизни человека – протонойя – ортонойя – паранойя – метанойя, в отличие от традиционных моделей «взлета – падения», выглядит скорее как экспоненциальная функция возрастающего взлета.

Заканчивая очерк о первых шагах в постметодологию душевной жизни, я не удивлюсь, если она будет воспринята как поиск черной кошки в темной комнате на пути к еще какой-то методологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Юнг К.Г. Синхронистичность. М., 1997.
2. Феррер Х. Новый взгляд на трансперсональную теорию. Человеческая духовность с точки зрения соучастия. М.: Изд-во трансперсональной психологии, Изд-во К. Кравчука, 2004.
3. Уилбер К. Интегральная психология. М., 2004.
4. Пути за пределы эго. Трансперсональная перспектива. М., 1996.
5. Гроф Ст. За пределами мозга: рождение, смерть и трансценденция в психотерапии. М., 2001.
6. Ван Каам А. Трансцендентная терапия // Журнал практического психолога. 1998. № 6, С. 3 – 20.
7. Кабрин В.И. Психологический универсум человека ноэтического // Психологический универсум образования человека ноэтического. Томск, 1999.
8. Кабрин В.И. Транскомуникация и личностное развитие. Томск, 1992.
9. Уилбер К. Интегральная психология. М., 2004.
10. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991.
11. Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1991.
12. Кабрин В.И. Ноэтическое измерение в психологии: новое и вечное // Сибирский психологический журнал. 2000. № 12. С. 23 – 28.
13. Кабрин В.И. Транскомуникативная холодинамика психологического универсума личности (стресс-транс формация) // Вестник Том. ун-та. 2000. № 2. С. 34 – 41.
14. Ялом И., Элкин Дж. Хроники исцеления: Психотерапевтические истории»: Пер с англ. С. Артемова. М.: Эксмо, 2005.
15. Кабрин В.И. Коммуникативный мир и транскомуникативный потенциал жизни человека. М., 2005.
16. Психологическая энциклопедия / Под ред. Р. Корсина, А Ауэрбаха. М., 2003.
17. Кабрин В.И. Личность как встреча // Личность в парадигмах и метафорах: ментальность – коммуникация – толерантность. Томск, 2002.
18. Уайт Дж. Просветление и иудейско-христианская традиция // Что такое просветление? Исследование цели духовного пути. М., 1996. С. 181 – 193.

Статья представлена кафедрой социальной и гуманистической психологии факультета психологии Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Психология» 16 января 2005 г.